

СИМВОЛИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОМПОНЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МИРОМОДЕЛИ ПОВЕСТИ И. С. ШМЕЛЁВА «БОГОМОЛЬЕ»

ELENA YU. SHESTAKOVA

SYMBOLIC-SEMANTIC ORIGINALITY COMPONENTS OF THE ARTISTIC
WORLD MODEL OF THE STORY "PILGRIM" BY IVAN S. SHMELEV

**Елена Юрьевна
Шестакова**

кандидат филологических наук

▶ shestackova.lena2013@yandex.ru

Северный (Арктический) федеральный
университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 163002,
Архангельск, наб. Северной Двины, 17

Elena Yu. Shestakova

PhD in Philology

Northern (Arctic) Federal University,
17, nab. Severnoy Dviny, Arkhangelsk,
163002, Russian Federation

Целью настоящего исследования является раскрытие своеобразия образно-мотивной структуры повести писателя русского зарубежья первой волны Ивана Сергеевича Шмелёва. Образы и мотивы рассматриваются как значимые компоненты художественной модели текста, позволяющие выявить авторские ценностные установки, специфику языковой организации произведения. Новизна исследования состоит в анализе текста с точки зрения его миромоделирующей специфики. Для достижения обозначенной цели применялись сравнительно-исторический, биографический методы, метод описательной поэтики. Полученные результаты показали, что образно-мотивная система повести включена в христианский контекст. Значимыми миромоделирующими компонентами произведения становятся пасхальный мотив, мотивы «детскости», радости, святости, праведности, плача, чуда, изобилия, духовной чистоты, простоты, духовного родства, тишины, смерти, троичности, пути, образ света. Отдельное внимание уделяется образу ребенка, являющегося ведущей миромоделирующей категорией в тексте. Художественная модель мира «Богомолья» структурируется с точки зрения особенностей детского мировосприятия и миропостижения. Важными миромоделирующими универсалиями в повести становятся хронотоп сада-рая и «святой дороги». В «Богомолье» перед читателем предстает образ «золотого» счастливого детства, идиллического мира, наполненного любовью и ощущением духовного родства всех со всеми. Особое внимание обращено на выявление специфики цветового решения образной системы повести, исполненной глубокого символизма. Наряду с образом героя в повествовательной структуре произведения присутствует образ автора, привносящий в текст ностальгическую тональность. В конце обосновывается авторское осмысление мотива смерти, отразившего интенсивность духовных поисков писателя.

Ключевые слова: И. С. Шмелёв, повесть «Богомолье», художественная миромодель, образ, мотив, символ, семантика.

The purpose of the article is to reveal the originality of the figurative and motivic structure of the story by Russian émigré writer of the first wave, Ivan S. Shmelev. Images and motifs are considered as significant components of the artistic model of the text, allowing to identify the author's value systems and the specifics of the linguistic organization of the work. The novelty of the study lies in the consideration of the text from the point of view of its world-modeling specificity. To achieve the stated goal, comparative historical, biographical methods, and the method of descriptive poetics were used. The results obtained during the study showed that the figurative-motive system of the story is included in the Christian context. Significant world-modeling components of the work are the Easter motif, motifs of "childhood", joy, holiness, righ-

teousness, crying, miracle, fabulousness, abundance, spiritual purity, simplicity, spiritual kinship, silence, death, trinity, the image of light. Special attention is paid to the image of the child, who is the leading world-modeling category in the text. The artistic model of the world of “Bogomolye” (“Pilgrimage”) is structured from the point of view of the characteristics of child’s worldview. The chronotope of the garden-paradise and the “holy road” become important world-modeling universals in the story. In “Bogomolye” (“Pilgrimage”) the reader is presented with an image of a “golden” happy childhood, an idyllic world filled with love and a feeling of spiritual kinship of everyone with everyone. Particular attention is paid to identifying the specific color scheme of the figurative system of the story, full of deep symbolism. Along with the image of the hero, the narrative structure of the work contains the image of the author, which brings a nostalgic tone to the text. At the end, the author’s understanding of the motive of death, which reflected the intensity of the writer’s spiritual quest, is substantiated.

Keywords: Ivan S. Shmelev, story “Bogomolye” (“Pilgrimage”), artistic world model, image, motive, symbol, semantics.

Введение

Повесть «Богомолье» (1930–1931) создавалась Иваном Сергеевичем Шмелёвым (1873–1950) в эмиграции, воспринимаемой величайшей личной и исторической трагедией. Пережитые события — страшные годы, проведенные в Крыму во время Гражданской войны, гибель единственного сына — стали причиной глубокого духовного кризиса, преодолеть который помогло творчество. «Богомолье» явилось своеобразной отдушиной для писателя, осознавалось им как произведение «душевное, чистое, родное», сравнивалось с «пучком луговых цветов, в душе до сего дня цветущих и... благоухающих» [Ильин, Шмелёв 2000: 10]. Подобное художественное воздействие повесть оказала и на В. И. Немировича-Данченко, обращение к ней приносило писателю чувство духовного успокоения и надежды. Поэт К. Д. Бальмонт — сосед и друг И. С. Шмелёва — за несколько дней до своего ухода просил жену читать отрывки из «Богомолья». Философ и критик И. А. Ильин писал о том, что в повести «все пронизано благодатным, врачующим светом: и слово, и образы... ибо книга эта... есть порождение любви» [Ильин 2009: 50]. «Одним из самых совершенных произведений» назвал «Богомолье» Н. К. Кульман, так как «в нем всё гармония, всё у места, нет ничего лишнего» [Кульман 2009: 327].

Цель

Рассмотрение художественного текста сквозь призму миромоделирования — актуальное направление современного литературоведения. Описание художественной модели мира, выявление характеристик, компонентов, закономерностей художественной миромодели представлено в работах И. Б. Аванесян [Аванесян 2020], Г. Т. Гариповой [Гарипова 2021], С. А. Дуловой, Н. И. Николаева [Дулова, Николаев 2019], Г. М. Ибатуллиной [Ибатуллина 2013], Н. А. Лариной [Ларина 2018], Н. Н. Левиной [Левина 2022], А. А. Хадынской [Хадынская 2020] и др. Исследователи выделяют компоненты картины (модели) мира текста — «пространство, время и человек (персонаж)» [Ларина 2018: 4]. Миромоделирующими характеристиками также являются «проблемно-тематические уровни, мотивно-сюжетные блоки, лирические ситуации, структурные элементы, арсенал изобразительно-выразительных средств» [Левина 2022: 453]. Настоящее исследование находится в русле современных научных изысканий, целью его является выявление образов, мотивов повести И. С. Шмелёва, включающих символическую коннотацию, что в конечном счете позволяет сделать выводы о своеобразии авторской мировоззренческой позиции, ценностных установок, стиливых и языковых особенностей.

Состояние изучения вопроса.

Методы

Повесть И. С. Шмелёва «Богомолье» находится в фокусе неугасающего исследовательского интереса. К ее изучению обращались Э. В. Чумакевич [Чумакевич 1994], Д. Б. Терешкина [Терешкина 2015], Н. Б. Бугакова [Бугакова 2016], В. А. Сотков [Сотков 2016] и др. При этом следует обозначить новизну настоящего исследования, состоящую в рассмотрении шмелевского произведения с точки зрения его миромоделирующей специфики. При написании работы применялись сравнительно-исторический, биографический методы, метод описательной поэтики.

Обсуждение

Интенсивность эмоционального воздействия повести И. С. Шмелёва «Богомолье» заключена в воссозданном в ней образе детства, проникнутого духовной чистотой, красотой и святостью. В произведении реализуются «смысловые сцепления детскости, правды и праведности» [Исупов 2012: 224]. Основным духовным устремлением героя-ребенка становится «очищение души» [Шмелёв 2012: 53], подготовка к встрече с преподобным Сергием Радонежским, являющимся непререкаемым нравственным идеалом. Внутренняя борьба с греховными страстями (гордыней, стремлением настоять на своем, желанием смутить душу ближнего, усилить его страх) умиряется чувством глубокого, искреннего покаяния и немедленного исправления. Ценностно-смысловое содержание образа детства в шмелевской повести соотносится со словами Господа, отраженными в Евангелии: «Будьте как дети, ибо таковых есть Царствие Божие» [Мф. 18:3; Мк. 10:14].

Наиболее полное развитие образ детства в повести получает в мотиве радости, передающем духовный настрой ребенка и его эмоциональное состояние. Герой является ведущей миромоделирующей категорией текста. Окружающее пространство выстраивается сквозь призму детского восприятия. Доминирующими миромоделирующими параметрами, компонентами в повести становятся звуки, запахи, краски, внутреннее эмоциональное состояние ребенка, а также события, являющиеся источником его радостного настроения. Приемы аллитерации, ассонанса, звукоподражания («*похрустывают огурчиками, хрящами — хру-хру*»), меткие выражения («*горошком так и покатится*», «*делает руки самоваром*»), юмористические сравнения («*Кривая блестит, словно ее наваксили*»), повторы глаголов («*запрыгал-закосолапил*», «*вспыхивает-слепит*», «*бьется-дрожит*») [Шмелёв 2012: 42–48, 57, 111–112, 114] передают ощущение неугасающего детского восторга и ликования. Ребенка буквально «*заливает радостью*» при звуках красивой народной песни, взгляде на «*крупные белые ромашки в траве, синие колокольчики*» и «*листки земляники с зародышками ягод*» [Шмелёв 2012: 87]. Определение «радостное» относит-

ся и к «*холодку зари*», и к «*небу чудесного голубого цвета*», и к самому воздуху, который «*пахнет как будто радостью*» [Шмелёв 2012: 56]. Тропы («*густой*», «*горячий*», «*медовый*» воздух) [Шмелёв 2012: 79] передают испытываемое мальчиком наслаждение красотой окружающего мира. Своеобразии поэтики пейзажа И. С. Шмелёва можно определить как импрессионизм. «Импрессионистическое начало» придает природоописаниям «чувственную теплоту и эффект непосредственности» [Захарова 2015: 65].

С мотивом радости в произведении соотносится устойчивая цветовая гамма пейзажных описаний, в которой преобладающими становятся золотые, белые, розовые и голубые тона. Так, ранним утром, в самом начале пути, герой наблюдает «*розовый шест скворешника*», начинающего «*золотиться*», Москву-реку «*в розовом туманце*», «*золотистый храм Спасителя*», «*розовый, белый с золотцем Кремль*» [Шмелёв 2012: 61–62]. Во время паломничества ребенок видит «*золотую пыль*», поднимаемую «*табунками овец*», «*багряно золотящиеся*» крестьянские избы [Шмелёв 2012: 98]. По прибытии в Троице-Сергиеву лавру перед мальчиком предстает «*колокольня-Троица*», увенчанная «*сияющей золотой верхушкой, словно там льется золото*» [Шмелёв 2012: 133]. Герои-богомольцы идут по «*белой дороге*», «*белые служки... обильно поливают клумбы*», в лавре «*церкви — белые, голубые, розовые*» [Шмелёв 2012: 127, 152]. Цветовое обрамление повествования в «Богомолье» получает библейско-символическое решение. Так, белый цвет выступает образом-символом святости, духовной чистоты, радости и соотносится с Божьим светом из Евангельского сюжета о Преображении Господа Иисуса Христа на горе Фавор. Голубой цвет является воплощением небесной, высшей духовной реальности, Божьего чуда. Розовый и золотой цвета воссоздают значения детскости, нежности, умиления, выражают индивидуально-авторское восприятие детства как «золотого» периода счастья и безмятежности.

Художественная авторская установка определяет специфику воплощения важных пространственных миромоделирующих универсалий текста, среди которых особенно выделяются образы

сада (у дома игрушечника Аксенова), преобразующегося в райский Эдем, и полей ржи. Описание сада и полей сопровождается мотив изобилия («...лужки, березки, цветы... на грядках... краснеет смородина... и вишни, и яблони, и сливы... ну чего только душа пожелает»; «Куда ни гляди — всё рожь, нынче хлеба богатые. Рожь высокая, ничего за ней не видно... Рожь расстилается волнами, льется») [Шмелёв 2012: 141, 104], воссоздающего образ идиллического «золотого» мира. Этот образ в тексте поддерживается не только особенностями мировидения маленького героя, но и авторским мироощущением, отраженным в отступлении, окрашенным в ностальгические тона, где определяющим настроением становится тоска о «розовом свете далекого» [Шмелёв 2012: 167], навсегда ушедшего детства.

Образ детства и связанный с ним мотив радости сопровождается мотивом святости, занимающим значительное место в миромоделирующей структуре произведения. Ведущий пространственный миромоделирующий компонент повести — хронотоп «святой дороги» — определяет характеристики всего, что на нем находится: земляника называется «божией», «река святая», от шишек исходит «церковный запах», от шиповника пахнет как от Плащаницы, «от мокрого можжевельника пахнет душистым ладаном» [Шмелёв 2012: 79, 87]. Пространственные атрибуты (крест, «святой колодец», храмы) призваны подчеркнуть «освященность» пути героя-ребенка. Розовый цвет соотносится с праздником Пасхи, образ «Троицы-колокольни», сравнивающийся с «розовой пасхальной свечой» [Шмелёв 2012: 103], превращается в образ-видение — кульминацию пути мальчика. Пасхальные мотивы реализуются через многочисленные события, поступки персонажей, образы: Горкин целуется с отцом героя, «словно они христосуются», после причащения он «радостный, как на Светлый день» и «пахнет от него ладаном, свечками», окружающая природа осмысливается «благодатью Господней», вокруг разливается «тишина святая» [Шмелёв 2012: 162, 159, 182].

Мотив чуда, неразрывно связанный с мотивом святости, пронизывает всю ткань художественного произведения. Это отмечено исследо-

вателем: «В “Богомолье” Шмелёв описал живое соприкосновение с миром святости» [Любомудров 2009: 255]. В начале повести все персонажи находятся в постоянном ожидании чуда. Во время пути герой-ребенок встречает больных, жаждущих исцеления: молодую женщину, находящуюся в состоянии крайнего отчаяния, обездвиженного, покрытого мухами парня. Постепенно чудесное начинает проявляться в любом событии и встрече: в источнике со «святой водой», в исцелении внезапно заболевшего Горкина. В конечном счете чудом осмысливается весь пройденный путь, встреча с «Преподобным», ощущение тишины в душе после богомолья. Примечательно, что святой Сергей воспринимается героями повести не ушедшим, а живым, в их представлении это является не чудом, но обычным и не подлежащим сомнению фактом.

Чудесным, необыкновенным, наполненным неповторимым очарованием видится герою-ребенку совершаемое паломничество. Мотив чудес реализуется в настойчивых троичных повторах (три дня едет дьякон с семьей в лавру, на третью улицу свернули герои в поисках дома Аксёнова, три часа пробили часы с кукушкой и т. д.), восклицаниях и замечаниях героя-ребенка («Господи, как чудесно!»), вставных сюжетах (рассказ Соломяткина о том, что он — «царев брат», слухи о разбойниках в деревне Кащеевка) [Шмелёв 2012: 91]. Святое и чудесное в детском восприятии неразрывно связаны: три кружки воды необходимо выпить из «святого источника» для исцеления духовного и телесного, от Троице-Сергиевой лавры до Черниговского скита путь в «три версты», три дня находятся богомольцы в лавре. Сама лавра видится чудесным местом, в пространственном отношении отделенном от обыденного мира (Замоскворечья и Москвы): «Там — всё другое, не как в миру... церкви всегда открыты, воздух — как облака, кафельный... и все поют» [Шмелёв 2012: 56].

Движение мотива святости получает свое наивысшее развитие в размышлениях Михаила Панкратовича Горкина о чистоте и безгрешности ребенка («Родится дитё чистое, хорошее, андельская душка...» [Шмелёв 2012: 82]), «сближении детства со святостью» [Исупов 2012: 224].

При этом в самом старом наставнике много «детскости» и праведности [Сотков 2016: 57] — искренняя вера, жизнерадостность, восторженность, устремленность к духовной чистоте. Горкин «простодушен, умен, чист» [Солнцева 2007: 125]. Не только юный воспитанник отмечает праведность Горкина («Пахнет от Горкина чистой») [Шмелёв 2012: 159], но и встречающиеся на пути богомольцы. Мотив детского плача, звучащий в эпизодах, посвященных герою-ребенку, присущ и образу Горкина. Старый наставник, как и мальчик, плачет от горя, радости, покаянного чувства, умиления, прощения. Детская наивная вера определяет мнение Горкина относительно облегчения болей в ноге, приписываемого не действиям Домны Панфёровны, а маслу от лампы святого Пантелеимона. В образе Горкина — «мудрого простеца» — «Шмелёв олицетворяет опыт жизни и труда, видение природы и Бога, аромат настроений и молитв» [Ильин 1996: 388].

Мотивы праведности, «детскости» и святости прослеживаются в эпизодах, изображающих других персонажей повести. Образ-мотив пути (дороги) объединяет их всех в единой ценностно-смысловой доминанте. Миромоделирующий компонент пути осмысливается и как земная дорога, по которой идут герои-богомольцы, и как духовное движение к Богу, небесной реальности, путь покаяния и очищения души. Вместе с тем это и «путь России — к истине». Антипушка уподобляется святому Сергию Радонежскому в заботливом внимании к животным, включает всех живых тварей в общий круг любви. Прозорливец старец Варнава называет его «простачком», который «порадоваться пришел» [Шмелёв 2012: 188]. Как и Горкин, Антип способен на искренний, умильный плач. Бараночнику Феде свойственны детская застенчивость, доброта и душевная щедрость. Его главная мечта наивна, но возвышенна — построить всем бедным трактир и кормить бесплатно. Свой жизненный путь он планирует так, как описано в житии Алексея, человека Божия, — отказаться от богатой невесты и служить Богу. Мотив подвижничества, осознанно выбранного страдания приближает образ героя к идеалу святости. Жалость Феде к больному парню, искрен-

няя вера в то, что тот исцелится, свидетельствует о его высоком духовном устройении. Физическая сила направляется героем исключительно на хулителей имени Господа, а его глубокое раскаяние в грехе гнева проявляется всенародно и открыто. В полной мере натура Феде раскрывается в словах Антипа: «Простота ты, чистое дитё» [Шмелёв 2012: 88].

Духовная чистота свойственна и Соломяткину, безвозмездно кормящему паломников, и хлебо-сольному, плачущему от умиления дьякону, и богомольцам, искренне радующимся помирившимся Горкину и Домне Панфёровне. Все персонажи «Богомолья» — христиане, глубоко верующие люди, что делает их членами «большой семьи», «детьми Божьими». Как указывает исследователь, «семейственность пронизывает всю сферу человеческих отношений» [Давыдова 2007: 50] в произведении. Для героев повести православная вера становится «чертой национального характера» [Любомудров 2009: 244], определяет их принадлежность к русскому народу. Мотив духовного родства начинает разворачиваться в начале повести, когда герой-ребенок впервые ощущает, что все люди, встречающиеся на «святой дороге», ему внутренне близки. По мере развития сюжета чувство родственности усиливается и становится более очевидным. Наконец, в финале произведения все без исключения богомольцы называются старцем Варнавой «моими детками», а на «игрушечном гнезде у Троицы» [Шмелёв 2012: 194] взрослые, уподобляясь детям, пребывают в состоянии радостного восторга.

Преодолев долгий и трудный путь, богомольцы получают дары от Господа — радость духовную, облегчение физических страданий. «Господь подает» своим любимым «детям» «благословение хлебное» [Шмелёв 2012: 193], ободряет их, вселяет надежду. И делает Он это через своих помощников — святых людей, одним из которых является старец Варнава. Подобно «солнышку Господню» [Шмелёв 2012: 186], он собирает вокруг себя множество людей, влекомых исходящими от него лучами Христовой любви и святости. Не случайно мотив света становится ведущим в портретном описании старца: «из глаз его светит свет», «светлое, доброе лицо» [Шмелёв 2012: 186]. Старец

Варнава в повести является воплощением простоты и «детскости как восстановленной святости» [Ельчанинов 1990: 67]. Никакой вычурности не наблюдается в его внешнем облике, напротив, его одежда «закапана густо воском», а речи полны «ласки» [Шмелёв 2012: 186]. Любовь старца преобразует даже задиристых «певчих васильевских» [Шмелёв 2012: 186], превратившихся во время встречи с ним в робких, застенчивых детей. Один из певчих, Ломшаков, особенно остро сожалеет о своей греховной жизни, предчувствуя приближение скорой смерти.

Мотив смерти органично включен в миромоделирующую структуру повести «Богомолье». Заявленный уже в первом очерке, он не нарушает общей радостной атмосферы произведения. Смерть воспринимается героями «Богомолья» как неизбежный финал жизни каждого человека, происходящий по воле Божьей. По словам исследователя, «Божий Промысел является универсальной категорией» в повести [Давыдова 2007: 59], важнейшей в определении цели, смысла и духовного направления человеческой жизни. Смерть в представлении персонажей «Богомолья» требует глубокой духовной подготовки. Для Горкина это становится главной побудительной причиной для совершения паломничества в Троице-Сергиеву лавру, а само богомолье — «единственным путем к Престолу Небесному» [Крупин 2009: 312]. Его слова — «делов-то пуды, а она — туды!» [Шмелёв 2012: 31] — заставляют задуматься и отца маленького героя, помогают вырваться из бесконечной череды дел и посетить святое место. Антип тоже стремится позаботиться о душе, принести перед Богом покаяние за каждый неверный поступок, мысль и слово. Он даже приготовил «рубаху неплохую» [Шмелёв 2012: 46], в которой можно хоронить. Герой-ребенок еще не способен в полной мере осознать, что такое смерть: «Кто же это — она? Я что-то понимаю, но не совсем» [Шмелёв 2012: 44]. «Смутная мысль» о возможной смерти отца, который «уйдет, как этот случайный свет» [Шмелёв 2012: 57], лишь мельком проносится в его голове, но другие впечатления сменяют ее. С мотивом смерти в повести неразрывно связываются уже отмеченные пасхальные мотивы, возводимые

к «пасхальному архетипу русской словесности» [Есаулов 2004], которые «манifestируют веру во всеобщее воскресение» [Шешунова 2006: 24]. Радостная тональность произведения отвечает общей духовной нацеленности героев на обретение после смерти вечной гармоничной жизни во Христе, полной взаимной любви.

Выводы

Для художественной модели мира повести И. С. Шмелёва «Богомолье» характерно широкое разнообразие компонентов, выраженных в особом образно-мотивном ряде. В текстовом решении произведения важное значение получают пасхальный мотив, мотивы «детскости», радости, святости, праведности, плача, чуда, изобилия, духовной чистоты, простоты, духовного родства, тишины, смерти, троичности, образ света. Герой-ребенок является ведущей миромоделирующей категорией. Все в тексте показано через его взгляд, отражающий особенности детского мировосприятия. Значимыми миромоделирующими универсалиями повести становятся хронотоп сада-рая и «святой дороги». В повести воссоздан образ счастливого, безмятежного детства, окрашенного в ностальгические тона и осмысляемого утраченным раем. Образ детства получает развитие в мотивах «детскости» и святости, присущих как герою-ребенку, так и взрослым персонажам произведения. Образы «большой семьи» и «детей Божьих», выступающие как образы-символы, указывают на духовную близость верующих людей и Бога. Цветовая образная система, воспроизводящая устойчивые библейско-символические значения, содержит и индивидуально-авторские художественные трактовки. Ценностно-смысловое содержание всей образно-мотивной структуры повести определяется ее включенностью в православный контекст и наполненностью глубоким духовно-нравственным содержанием.

ИСТОЧНИКИ

- Ильин 1996 — Ильин И. А. *Собрание сочинений*: в 10 т. Т. 6. Кн. 1. М.: Русская книга, 1996. 557 с.
Шмелёв 2012 — Шмелёв И. С. *Богомолье: повести и рассказы*. М.: Детская литература, 2012. 364 с.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесян 2020 — Аванесян И. Б. *Художественная модель мира в произведениях отечественных писателей конца XX — начала XXI в. в парадигме христианской духовности*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2020. 20 с.

Бугакова 2016 — Бугакова Н. Б. Религиозная лексика и особенности ее употребления на примере произведения И. С. Шмелёва «Богомолье». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016, 6 (60). Ч. 2: 45–47.

Гарипова 2021 — Гарипова Г. Т. *Принципы миромоделирования в русской прозе XX века*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Владимир, 2021. 42 с.

Давыдова 2007 — Давыдова Е. Н. Мотив дома в хроно-топической структуре повести И. С. Шмелёва «Богомолье». *Сибирский филологический журнал*. 2007, (1): 48–60.

Дулова, Николаев 2019 — Дулова С. А., Николаев Н. И. Проза Гайто Газданова в контексте меняющейся художественной картины мира. *Litera*. 2019, (4): 128–134.

Ельчанинов 1990 — Ельчанинов А. В. *Записи*. Париж: YMCA-PRESS, 1990. 173 с.

Есаулов 2004 — Есаулов И. А. *Пасхальность русской словесности*. М.: Круг, 2004. 560 с.

Захарова 2015 — Захарова В. Т. *Поэтика прозы И. С. Шмелёва*. Н. Новгород: Минин. ун-т, 2015. С. 45–50.

Ибатуллина 2013 — Ибатуллина Г. М. Рефлексия и принципы жанрового миромоделирования. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013, 12 (30). Ч. 1: 92–94.

Ильин 2009 — Ильин И. А. «Святая Русь». «Богомолье» Шмелёва. В сб.: *Духовный путь Ивана Шмелёва: статьи, очерки, воспоминания*. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 48–57.

Ильин, Шмелёв 2000 — Ильин И. А., Шмелёв И. С. *Переписка двух Иванов: в 3 т. Т. 2*. М.: Русская книга, 2000. 573 с.

Исупов 2012 — Исупов К. Г. Детскость. *Universum: Вестник Герценовского университета. Народное образование. Педагогика*. 2012, (1): 224–226.

Крупин 2009 — Крупин В. Н. Иван Шмелёв как выразитель идеи Святой Руси. В сб.: *Духовный путь Ивана Шмелёва: статьи, очерки, воспоминания*. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 310–314.

Кульман 2009 — Кульман Н. К. [Рец. на кн.:] Ив. Шмелёв. «Богомолье». В сб.: *Духовный путь Ивана Шмелёва: статьи, очерки, воспоминания*. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 325–328.

Ларина 2018 — Ларина Н. А. *Миромоделирующие универсалии в малой прозе Леонида Андреева и Валерия Брюсова*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018. 38 с.

Левина 2022 — Левина Н. Н. Специфика художественно-миромоделирования в поэзии Н. Циликина. *Вестник угро-ведения*. 2022, (3): 453–462.

Любомудров 2009 — Любомудров А. М. Богоищущая душа. Духовное и мирское в творческой судьбе И. С. Шмелёва. В сб.: *Духовный путь Ивана Шмелёва: статьи, очерки, воспоминания*. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 227–282.

Солнцева 2007 — Солнцева Н. М. *Иван Шмелёв. Жизнь и творчество: жизнеописание*. М.: Эллис Лак, 2007. 510 с.

Сотков 2016 — Сотков В. А. Специфика образа героя-праведника в творчестве И. С. Шмелёва (на материале диалогии «Лето Господне» и «Богомолье»). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016, 8–16 (62): 57–61.

Терешкина 2015 — Терешкина Д. Б. Поэтика художественного отождествления Сергию Радонежскому в повести Ивана Шмелёва «Богомолье». *Современные проблемы науки и образования*. 2015, (1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19140&ysclid=lnhf7rd36q495349848> (дата обращения: 10.10.2023).

Хадынская 2020 — Хадынская А. А. Георгий Иванов и Игорь Чиннов: специфика гротескного миромоделирования. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2020, 2 (197). Т. 26: 67–88.

Чумакевич 1994 — Чумакевич Э. В. *Духовно-нравственное становление личности героя в диалогии И. С. Шмелёва «Богомолье» и «Лето Господне»*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 22 с.

Шешунова 2006 — Шешунова С. В. *Национальный образ мира в русской литературе: П. И. Мельников-Печерский, И. С. Шмелёв, А. И. Солженицын*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Дубна, 2006. 42 с.

REFERENCES

Аванесян 2020 — Avanesian I. B. *The artistic model of the world in the works of domestic writers of the late 20th — early 21st centuries. in the paradigm of Christian spirituality*. PhD thesis in Philology. Stavropol, 2020. 20 p. (In Russian)

Бугакова 2016 — Bugakova N. B. Religious vocabulary and features of its use using the example of I. S. Shmelev's work "Pilgrim". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016, 6 (60), ch. 2: 45–47. (In Russian)

Гарипова 2021 — Garipova G. T. *Principles of world modeling in Russian prose of the 20th century*. PhD thesis in Philology. Vladimir, 2021. 42 p. (In Russian)

Давыдова 2007 — Davydova E. N. The motive of the house in the chronotopic structure of I. S. Shmelev's story "Pilgrim". *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2007, (1): 48–60. (In Russian)

Дулова, Николаев 2019 — Dulova S. A., Nikolaev N. I. Prose of Gaito Gazdanov in the context of the changing artistic picture of the world. *Litera*. 2019 (4): 128–134. (In Russian)

Ельчанинов 1990 — El'chaninov A. V. *Records*. Paris: YMCA-PRESS, 1990. 173 p. (In Russian)

Есаулов 2004 — Esaulov I. A. *Easter of Russian literature*. Moscow: Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russian)

Захарова 2015 — Zakharova V. T. *Poetics of prose by I. S. Shmelev*. Nizhny Novgorod: Mininskii universitet Publ., 2015. P. 45–50. (In Russian)

Ибатуллина 2013 — Ibatullina G. M. Reflection and principles of genre world modeling. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2013, 12 (30), ch. 1: 92–94. (In Russian)

- Ильин 2009 — Il'in I. A. "Holy Rus". "Pilgrim" by Shmelev. In: *Dukhovnyi put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniia*. Moscow: Sibirskaiia Blagozvonitsa Publ., 2009. P. 48–57. (In Russian)
- Ильин, Шмелёв 2000 — Il'in I. A., Shmelev I. S. *Correspondence of two Ivans*: in 3 vols. Vol. 2. Moscow: Russkaia kniga Publ., 2000. 573 p. (In Russian)
- Исупов 2012 — Isupov K. G. Childishness. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta. Narodnoe obrazovanie. Pedagogika*. 2012, (1): 224–226. (In Russian)
- Крупин 2009 — Krupin V. N. Ivan Shmelev as an exponent of the idea of Holy Rus'. In: *Dukhovnyi put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniia*. Moscow: Sibirskaiia Blagozvonitsa Publ., 2009. P. 310–314. (In Russian)
- Кульман 2009 — Kul'man N. K. <Review> Iv. Shmelev. "Pilgrimage". In: *Dukhovnyi put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniia*. Moscow: Sibirskaiia Blagozvonitsa Publ., 2009. P. 325–328. (In Russian)
- Ларина 2018 — Larina N. A. *World-modeling universals in the short prose of Leonid Andreev and Valery Bryusov*. PhD thesis in Philology. Moscow, 2018. 38 p. (In Russian)
- Левина 2022 — Levina N. N. The specifics of artistic world modeling in the poetry of N. Tsilikin. *Vestnik ugrovedeniia*. 2022, (3): 453–462. (In Russian)
- Любомудров 2009 — Liubomudrov A. M. God-seeking soul. Spiritual and worldly in the creative fate of I. S. Shmelev. In: *Dukhovnyi put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniia*. Moscow: Sibirskaiia Blagozvonitsa Publ., 2009. P. 227–282. (In Russian)
- Солнцева 2007 — Solntseva N. M. *Ivan Shmelev. Life and creativity: Biography*. Moscow: Ellis Lak Publ., 2007. 510 p. (In Russian)
- Сотков 2016 — Sotkov V. A. The specificity of the image of the righteous hero in the works of I. S. Shmelev (based on the material of the dilogy "The Summer of the Lord" and "Phygomatism"). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016, 8–16 (62): 57–61. (In Russian)
- Терешкина 2015 — Tereshkina D. B. The poetics of artistic identification with Sergius of Radonezh in Ivan Shmelev's story "Pilgrim". *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*. 2015, (1). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19140&yssid=lnhf7rd36q495349848> (accessed: 10.10.2023). (In Russian)
- Хадынская 2020 — Khadynskaia A. A. Georgy Ivanov and Igor Chinnov: Specifics of grotesque world modeling. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serii 1. Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*. 2020, 2 (197), vol. 26: 67–88. (In Russian)
- Чумакевич 1994 — Chumakevich E. V. *Spiritual and moral development of the hero's personality in the dilogy of I. S. Shmelev "Politics" and "Summer of the Lord"*. PhD thesis in Philology. Moscow, 1994. 22 p. (In Russian)
- Шешунова 2006 — Sheshunova S. V. *National image of the world in Russian literature: P. I. Melnikov-Pechersky, I. S. Shmelev, A. I. Solzhenitsyn*. PhD thesis in Philology. Dubna, 2006. 42 p. (In Russian)